

833Рос = РусК

В. 75

Ю. С. Воронов

МЕЛОДИИ СУДЬБЫ

05

83.3 (2Рос = Рук)

В 75

Ю.С. Воронов

МЕЛОДИИ СУДЬБЫ

✓

Очерки жизни и творчества
Николая Палькина

f

РЗ М8261-1 ✓

Саратовский государственный институт
культуры и искусств
Саратов, 1997

Саратов
РИГП «Абрис»
1997

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГБ

кд

ББК 83.3 (2Рос-Рус) 6—8

Воронов Ю. С.

**Мелодии судьбы: Очерки жизни и творчества Николая Палькина.— Саратов: РИГП «Абрис», 1997.—160 с.
ISBN 5-207-00237-6**

Автор очерков — Воронов Юрий Сергеевич, доктор филологических наук, профессор, действительный член Академии социального образования, член Союза журналистов России. По проблемам литературы, публицистики, культуры им опубликовано свыше 300 работ.

ББК 83.3 (2Рос-Рус) 6—8

ISBN 5-207-00237-6

- © Юрий Сергеевич Воронов, автор, 1997.
- © Сергей Атясов, художник, 1997.

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель, с душевным трепетом решаюсь предложить твоему вниманию свои очерки о жизни и творчестве поэта Николая Егоровича Палькина, замечательного мастера художественного слова, одного из тончайших лириков современной отечественной литературы. Намерения поделиться впечатлениями о его творчестве у меня созревали давно. Один недавний случай окончательно подтолкнул к такому шагу. Как-то я поделился с заезжим коллегой (представившимся филологом, почитателем и знатоком классики) о том, что собираюсь написать о Палькине.

— О Палькине?!

Интонация, взлет бровей, мимика собеседника свидетельствовали о том, что затея моя показалась ему по меньшей мере странной. Развивать дискуссию я почел делом малоуместным. С горечью только подумал, что если у профессионала от филологии такие представления, что говорить о других. Но тут, к счастью, мелькнула просветленная мысль, а ведь с другими-то как раз дело не безнадежное. Имя поэта известно. Песни его любимы в России и за ее пределами. Правда, у их автора, пожалуй, иногда возникает чувство досады: его песни в эфире нередко нарекаются как народные. Может ли быть похвала выше этой?!

Тем не менее многие не имеют достаточного представления о том, что и как создано Н. Е. Палькиным. Винить кого-либо в таком положении, может быть, не следует, в том числе и заезжего филолога. Дело в том, что творческая деятельность Николая Егоровича Палькина охватывает более полувека. Поколения 40—50-х гг. знали его как начинающего поэта; другие — как сформировавшегося; третьи — как зрелого и т. д. Написанное Николаем Егоровичем оказалось растянутым по времени. Воедино же собрано не все. Не все уцелело даже в личном архиве писателя. О библиотеках говорить не приходится. Ни в одной из них, пожалуй, нет всего того, что им было когда-то написано и опубликовано. Сегодня же все вместе взятое составило бы не один солидный том. К сожалению, ни в минувшую, временами опальную для поэта, эпоху, ни в эпоху теперешнюю — не оказалось возможным издать собрание его сочинений.

В наших кратких очерках мы можем лишь привлечь внимание к тому, что когда-то было создано поэтом. Показать хотя бы частичку из того прекрасного, что им написано — задача в рамках небольшой книжечки почти невыполнимая. Тем не менее отдельные извлечения из примечательных, на наш взгляд, произведений здесь будут иметь место. В книге постараемся почаще предоставлять слово самому поэту. Думается, что это позволит читателю ближе познакомиться с ним, с его взглядами, с его художественной концепцией и жизненным кредо. В своих произведениях, в повседневной жизни Н. Е. Палькин человек по теперешним временам уникальный. Он талантлив и добр — в лирике, прозе, публицистике, в целом в жизни. Вместе с тем он бескомпромиссен к фальши, ко всему антигуманному. Он в высшей степени чуток к людям. Все им созданное полно неистребимой веры в жизнь, в справедливость. Его стихи, песни говорят о высоком предназначении человека, о его красоте, достоинстве, которые могут в полной мере раскрыться при полной раскрепощенности мыслей и чувств.

Слово в очерках будет предоставлено литературным критикам, композиторам, исполнителям песен поэта, читателям. В их суждениях Николай Егорович предстанет перед нами во всех своих человеческих ипостасях. О нем говорят разные люди, однако, если прислушаться к их искреннему, взволнованному голосу, то очевидно будет одно — все говоримое, выражаемое сливается в единое светлое полифоническое произведение.

Дорогой читатель, напоминаю, что твоему вниманию предлагается не полное, капитальное исследование творчества Н. Е. Палькина, не исчерпывающее его жизнеописание, а лишь предварительные очерки. Жизнь Н. Е. Палькина — большая жизнь и большое уникальное творчество. В будущем, я уверен, появятся крупные работы о нем. В этой же книжечке делается лишь попытка привлечь внимание к тем достоинствам его лирики, прозы, публицистики, которые в наши тревожные дни особенно злободневны, особенно значимы с нравственной и эстетической точки зрения.

*Бушуют ливни грозовые
Над кровлей древних деревень.
Дай Бог, тебе, моя Россия,
Обильной жатвы в ясный день.*

С земляками

ОТ ОТЧЕГО ПОРОГА — В ДАЛЬНЮЮ ДОРОГУ

Два чувства дивно близки нам,
В них сердце обретает пищу —
Любовь к родному пепелищу,—
Любовь к отеческим гробам.

А. С. Пушкин

Родина детства! Как нежно хранятся о ней воспоминания в душе каждого человека, как огромно ее влияние на его формирование, как свято воскрешается она в творениях художника!

Начнем и мы повествование о жизни и творчестве Николая Егоровича Палькина с воспоминаний поэта о его детстве.

— Моя родина — саратовская земля,— говорит Николай Егорович. Большой Мелик — село казачье, уверяют земляки, помнящие старину, хотя до сих пор я не нахожу документального подтверждения подобным уверениям. Да и в родне нашей, как со стороны матери, так и со стороны отца, и в быту нашем вроде бы не было ничего казачьего, кроме разве песен о казачьей судьбе, подобных песне «Скакал казак через долину». Впрочем нетрудно предположить и о наличии в нашем роду неких казачьих корней, поскольку Большой Мелик обязан своим происхождением Хопру, или, как говорят в народе, сыну Тихого Дона. А Дон, как известно, и есть казачество.

Среди заливных лугов, под сенью русского леса, в двух шагах от Хопра, в крутых берегах с водой чистой, как девичья слеза, в этом песенном краю 3 апреля 1927 года я и родился.

Улица моего младенчества — большемеликская улица Разбойщина. Улицы детства и юности это уже другие улицы, улицы Балашова, пахнувшие паровозным дымом, свежеспеченным хлебом и мокрой после дождя землей.

Николай Егорович свидетельствует, что в их доме на городской окраине, куда вскоре после его рождения переехали родители, как на вокзале, всегда было многолюдно.

Летом из дальних краев наезжала в отпуск многочисленная родня: взрослые и дети. В остальное время в доме дневали и ночевали «наши», деревенские. На дворе распряженные лошади вечно жевали овес или сено, напоминая о кострах в ночном и дальних дорогах. Многолюдье в доме не только не стесняло детей, но, наоборот, расширяло их представление о мире людей скромных, бескорыстных, видящих в труде истоки человеческого блага.

Поэт вспоминает о том, что их дом всегда был наполнен живой речью. Каждый, как в копилку, добавлял в души ребят свое: бабушка — сказки, отец — редкое, но меткое словцо, мать — пословицы и поговорки, а иногда и озорные частушки. А еще помнится поэту из детства то, что без матери его, Елены Андреевны, превосходного знатока народных обрядов, не проходила в округе ни одна свадьба, ни одни поминки. Приходилось ей выступать в роли повивальной бабки, а также крестить новорожденных. И на каждый случай у нее было готово присущее именно данному случаю словечко, неизменно прибавляющее человеку сил.

— Видимо, от нее, — говорит Николай Егорович, — я и унаследовал любовь к народному слову.

Врезалось в память будущему поэту и то, что в их доме, кроме множества заезжих постояльцев, было всегда обилие песен. И не каких-нибудь поделок, а песен подлинных, настоящих, песен народных. Неповторимые в своей красоте, они, безусловно, делали в юной душе свое доброе дело.

*Из-под камушка, из-под белого,
Течет реченька, речка быстрая,
Речка быстрая,
Вода чистая...*

Отец будущего поэта, Егор Степанович, смолоду работал на станции Балашов стрелочником и так гордился званием железнодорожника, как теперь уже никто не гордится. Песня жила и в его душе.

— Сколько помню, — говорит Николай Егорович, — в свободные минуты он либо напевал что-нибудь вполголоса, либо насвистывал знакомую мелодию. Однажды смастерил балалайку в три струны и сам себе подыгрывал на ней.

Грустно звучал его голос в прощальном застолье перед отправкой на фронт. 18 августа 1941 года он сел в эшелон, а в начале 1942-го от него пришло последнее письмо. До

сих пор его могила остается неизвестной, хотя кажется, что она находится где-то под Москвой.

В пятнадцать лет, после того как отец ушел на фронт и в доме не стало кормильца, Николай устроился работать в авиамастерские и вместе со взрослыми восстанавливал искореженные в воздушных боях самолеты. Мастерские тогда входили в состав действующей армии, и все, кто в них из подростков работал, оказались участниками войны.

— Как бы там ни было,— подчеркивает Николай Егорович,— а песни отчего дома навсегда остались в моей душе. Не потому ли мне впоследствии самому удалось написать ряд песен? Какие они, насколько удались — это уже другой разговор, но факт остается фактом: родительский запас пригодился в дальней дороге.

Уроки жизни с такими предметами как честь и достоинство, мастерство и сноровка, долг и совесть, кроме авиа-ремонтников Балашова, давались будущему поэту, по его словам, и оленеводами Кольского полуострова, и шахтерами Караганды, и журналистами Саратова.

— Если говорить об официальном образовании,— отмечает Николай Егорович,— то оно связано с Центральной комсомольской школой и Балашовским педагогическим институтом. Вроде бы этого и немало. Однако с годами я все больше чувствую, как мне не хватает тех знаний, когда человек может назвать себя просвещенным. Особенно это касается исторической науки, науки об истории государства Российского. Идеологический диктат позволял моему (и не только моему) поколению видеть мир в двухцветном изображении. Все, что было до семнадцатого года, подавалось со знаком минус, все, что после — со знаком плюс. С таким убогим восприятием мира мы и выросли. Будь оно, восприятие, более тонким и многоцветным, мне в своих поэтических книжках и в публицистике удалось бы, вероятно, выразить нечто большее, чем я выразил. Впрочем, читатель это почувствует и без моей подсказки.

Вспоминая о том, как он начал писать, Николай Егорович с юмором говорит:

— Я должен признаться, что в этом деле я чуть ли не в буквальном смысле начинал танцевать от печки. В тот памятный далекий вечер я действительно сидел на нашей русской печи и под завывание вьюги думал о судьбе несчастной женщины, которая сошла с ума, не дождавшись со службы своего единственного сына. Об этой женщине я узнал на уроке литературы в своем четвертом «В» клас-

се, где учительница читала нам стихотворение Тараса Шевченко «Сова». Незадолго до этого я учил наизусть отрывок из поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос». Мне было больно смотреть на картину, напечатанную в книге: сани, на санях возле гроба малые дети-сироты и старушка, еле удерживающая вожжи. Кажется, это была картина Перова «Проводы покойника».

Николай Егорович пояснит далее, что судьба шевченковской Сова, некрасовской Дарьи и перовских детишек сольются для него в нечто единое, что особым образом повлияет на его воображение и побудит к тому, чтобы он сам взялся за сочинение стихов. Он действительно их сочинил, однако, впоследствии память не удержала их.

— Зато хорошо помню,— говорит поэт, как 26 октября 1941 года балашовская газета «Большевик» (в ту пору мне было четырнадцать лет) напечатала мое первое стихотворение «Переправа», посвященное героической борьбе наших партизан.

Началом своей постоянной работы в литературе Николай Егорович считает 1954 год. В этом году «Комсомольская правда» опубликовала подборку из тринадцати его стихотворений. Тогда же композитор Владимир Григорьевич Захаров положит одно из его стихотворений на музыку. Отсюда и пойдет отсчет шагам в литературе.

Шли годы, а в издательствах, то в одном, то в другом выходили все новые и новые книги Н. Е. Палькина. Теперь их более двух десятков. Наиболее значительными, как считает сам автор, можно считать «Поле золотое» (1957), «Зацвели саратовские вишни» (1962), «Куст калины» (1970), «Соловьи России» (1975), «Золотая подкова» (1977), «Звездный пахарь» (1980), «Избранное» (1981), «Почерпни из родного колодца» (1984), «О, Волга» (1985), «Город волжской судьбы» (1990), «Как свет в окошке» (1990), «Последняя ночь одинокой рябины» (1993), «Созвездье Девы» (1994), «Вальс при свечах» (1996). В эти и другие книги вошли стихотворные произведения поэта, его песни, лирическая проза, публицистика, воспоминания.

Песни поэта, написанные в содружестве с Владимиром Захаровым, Валентином Левашовым, Григорием Пономаренко, другими композиторами звучат во всех концах великой России и за ее пределами. Они вошли в репертуар Людмилы Зыкиной, Ольги Воронец, Александры Стрельченко, Владимира Трошина, хора имени Пятницкого, других народных хоров. Песни Н. Е. Палькина горячо любимы народом, ибо сохраняют в своем содержании, в своей

мелодичности все то лучшее, что накоплено в народной песенной традиции. Достаточно здесь лишь напомнить о таких песнях, как: «Что хотите говорите», «Не ругай меня, мама», «Травушка — муравушка», «Как взять себя в руки», «Соловьи России», «Вальс при свечах», «На тропинке, луной запорошенной».

Жизненный, творческий путь Н. Е. Палькина не был простым и безоблачным. На литературной стезе были и рытвины и ухабы. Около десяти лет он возглавлял Саратовскую писательскую организацию. В течение семи лет был главным редактором журнала «Волга».

Николай Егорович сейчас находится в расцвете своих творческих сил. Яркое тому подтверждение — недавний выход в свет прекрасного сборника его произведений «Созвездье Девы» и большой книги «Вальс при свечах», вобравшей в себя все лучшее, что было создано поэтом ранее и в самое последнее время.

Творческие удачи и неудачи — все это будет в жизни потом, а начиналось все от отчего порога, от матери, которую поэт образно называет своим первым классом, классом последним и «академией моей». Образ матери в творчестве Н. Е. Палькина один из центральных во всем его творчестве. Он присутствует почти во всех наиболее крупных его произведениях. Особенно показательно в этом отношении его большое, эпическое произведение «Плачя». Со страниц этой поэмы перед читателем предстает замечательный образ русской женщины, образ — матери, подруги, вечной труженицы. Надо сказать, что в целом, в общих чертах этот образ во многом существенном совпадает с тем образом русских женщин, которых в свое время воспел великий русский поэт Н. А. Некрасов. Русская женщина может все: работать, любить, растить детей. В суровые годы Великой Отечественной войны на нее пали все тяготы лихолетья: непомерный труд, голод, холод, забота о малых детях и стариках, тревога за мужа, ушедшего на войну. Все это в произведениях Н. Е. Палькина воссоздано с удивительной рельефностью и большой художественной силой.

Поэма «Плачя» отражает многое из того общего, чем жила страна, все люди. Вместе с тем все это у поэта оказалось тесно связанным с личным «я». Лирические герои поэмы — это и сама мать поэта, и сам поэт. В поэме есть глава с названием «Спичка». В ней лирический герой размышляет о том, с чего начинается Волга, с чего начинается семья, с чего начинается рассвет и т. д.

Стержневая мысль главы: откуда взялись те истоки, которые послужили первым толчком к тому, что из мальчика из крестьянской семьи стал вырастать поэт?

Есть там такие строки:

*С соловьиного полета
Начинается рассвет.
Очевидно, я с чего-то
Начинаюсь как поэт.*

*Прежде чем пришла привычка —
Разговаривать стихом,
Ведь была ж в природе спичка,
Опалившая огнем?*

Ведь были какие-то причины, рассуждает поэт, что «помимо воли из словесной чепухи» он «еще в начальной школе начал складывать стихи», что со временем «детская забава станет «призванием и судьбой».

Решающим фактором поэтического начала в себе поэт считает влияние матери:

*В жизни знала ты немало,
Крест свой по свету неся.
Так скажи: с чего же, мама,
Как поэт я начался?*

*Может, с той любви отдельной,
Что случается весной?
Может, с первой колыбельной,
Что ты пела надо мной?*

Вопрошая мать, поэт в конечном счете приходит к заключению, что все началось именно от нее, от ее поэтически одаренной, певучей души:

*Я давненько с мыслью сжился,
Не прося судьбы другой:
Без тебя б я не разжился
Ни единою строкой.*

*Без твоей души певучей,
Так влюбленной в белый свет,
На крутой житейской круче
Не возник бы как поэт.*

Поэт — лирический герой благодарит судьбу за то, что мать, обремененная всю жизнь трудом, заботами, обладала чувством доброго человека, хорошо понимала и чувствовала прекрасное в жизни, в том числе и поэзию, будь то народная или вышедшая из под пера талантливых художников слова.

Обращаясь к матери, поэт говорит:

*Ты мое пристрастие к слову
Не считала пустяком
И учила, как полю
Заменять живым зерном.*

*И за то, что твоя сила
За моей стоит строкой,
Низко кланяюсь
Спасибо,
Мой соавтор дорогой!*

Глава «Уроки» поэмы «Плач» заканчивается словами:

*В твоей заботе многолетней
О совершенстве бытия —
Мой первый класс, и класс последний,
И академия моя.*

Мать и отчий край — вот что удваивало силы поэта на его непростой жизненной стезе.

МНЕ ДОРОГА ЗЕМЛЯ МОЯ, РОССИЯ

И в торжественные години и в будни идея Отечества одинаково должна быть присуща сынам его, ибо только при ясном ее сознании человек приобретает право называть себя гражданином.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Многие российские поэты, писатели посвящали свои произведения Отечеству. Со школьной скамьи помнятся пламенные строки А. С. Пушкина: «Мой друг, отчизне посвятим Души прекрасные порывы». Незабываемо стихотворение М. Ю. Лермонтова «Родина»: «Люблю отчизну я ...». Звучат и сегодня, как будто бы только что сказанные слова Ф. И. Тютчева: «Умом Россию не понять...».

Лучшие свои произведения посвятили Родине А. Фет, Н. А. Некрасов, А. Блок, С. Есенин и другие. Разве могут исчезнуть из памяти народной проникновенные слова замечательного русского поэта И. С. Никитина:

*Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью...*

Тема России, Родины одна из стержневых в творчестве Н. Е. Палькина. Идея Отечества пронизывает почти все, что им написано — и лирику, и прозу, и публицисти-

ку. Тема эта развивается поэтом как бы в двух уровнях. На уровне всей России, а также на уровне малой родины — Волжского края.

Уместно особо подчеркнуть, что образ Родины в произведениях Н. Е. Палькина находится в постоянном дополнении, обновлении, которые прирастают по мере обогащения ее истории и все более эпического охвата художественным воображением поэта.

Образ Руси в произведениях Палькина читатель прослеживает со времен X—XIII вв. Одно из ярких произведений о Древней Руси стихотворение «Андрей Рублев». Оно отражает события конца XIV — начала XV столетий, поры жизни расцвета творчества великого русского живописца, но и поры тяжелой, грозной для нашей Родины, когда она задышалась в аркане иноземного гнета:

*...Степного молчанья безбрежность
Тревожит сомненье и страх.
Откуда же гордую нежность
Берет этот русский монах?*

*Каленой стрелюю задета.
Нетронутость русских границ.
Откуда же гармония эта
И это спокойствие лиц?*

*Пора и крута и сурова,
И правды не выскажешь вслух,
Но движет рукою Рублева
Народа несломленный дух.*

Известно, какой глубокой человечностью, возвышенной одухотворенностью образов отличались произведения А. Рублева. Они пронизаны идеей согласия, гармонии. Они отличаются совершенством своей художественной формы. Достаточно напомнить о его гениальной «Троице»! Живописец, видимо, делал свое дело так, как делал его Сергей Радонежский, формируя дух поколения, вышедшего в 1380 году на поле Куликово.

Если взять все написанное Н. Е. Палькиным о Родине, о России, то можно сказать без преувеличения: поэт создал многогранный и наиболее полный (по сравнению с предшественниками) лирический образ России. Мы не умаляем заслуг многих отечественных писателей и поэтов, писавших о России и внесших в создание ее художественного образа свой значительный вклад. Однако то, что достигнуто в этом поэтом Н. Е. Палькиным, есть нечто такое, чего ранее не было. Созданный им лирический образ России можно сопоставить и в известной мере приравнять

к музыкальному образу России, который создан выдающимся отечественным композитором XX столетия Георгием Васильевичем Свиридовым. Сопоставление может кому-то показаться не совсем удачным, неожиданным, но на самом деле — это реальность.

О чем пишет Н. Е. Палькин в таких стихотворных произведениях, как «Слово о киевском князе Владимире», «Золотые ворота», «На поле Куликовом», «Бородино», «1812», «Крылья памяти», «Битые, с достойной русской хваткой», «Родословная»? О Родине, о России, о ее трудной и мужественной судьбе, о героизме и стойкости ее удивительного народа, не щадившего жизни своей при защите Отечества.

О чем говорит поэт в таких произведениях, как «Андрей Рублев», «Афанасий Никитин», «Пушкин», «Некрасов», «Есенин» и других великих сынах России? Он говорит о талантливости народа, о неизмеримом духовном потенциале своей Родины, о ее многовековой культуре, о ее интеллектуальном могуществе.

Что с гордостью славит поэт в своих замечательных лиро-эпических произведениях — «Венец», «Поэма о Волге», «Поэма о хлебе», «Богатырская поэма», «Плачя», «Поединок»? То же мужество сынов и дочерей России, их ум, сметку, их удивительное трудолюбие, их нравственную и физическую красоту.

Еще около четверти века тому назад Н. Е. Палькиным было написано одно из замечательных стихотворений «О поле русское!». Оно и сегодня в высшей степени актуально и по своей идейно-тематической направленности и по своей художественной ценности:

*О поле русское!
Немало
Тебе изведать довелось.
И Куликовым ты бывало,
И Бородинским ты звалось.

Тебя лелеял мирный пахарь,
И в горький час, тебя любя,
Он без сомнения и страха
Вставал с оружием за тебя.*

*О поле русское!
Немало
Тебе изведать довелось.
И Подмосковным ты бывало,
И Сталинградским ты звалось..*

Какие только супостаты за тысячелетнюю историю Руси ни вторгались в ее пределы, каким только огнем ни

жгли ее землю! Однако все, кто шел на Русь не в гости — нашли свою погибель в ее бескрайних просторах. В заключительных строках этого стихотворения поэт говорит:

*Живу тобой, горжусь тобою.
С одним желанием в крови,
Чтоб было ты не полем боя,
А полем счастья и любви.*

Органическая часть общего образа России — это образ Хранителя и Сеятеля земли русской.

Тема эта является одной из сквозных в русской литературе, начиная с «Повести временных лет», «Поучения Владимира Мономаха», знаменитого «Слова о полку Игореве» и т. д. Она есть у многих русских писателей и поэтов 18, 19 столетий. Она прозвучала в творчестве Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Образ Сеятеля и Хранителя земли русской дополнялся и развивался в литературе 20-го столетия, особенно в произведениях, посвященных героическому подвигу советского народа в Великой Отечественной войне. Тема Сеятеля и Хранителя земли русской наибольшее отражение получила в прозе нашего земляка М. Н. Алексеева. Достаточно лишь напомнить о его романах и повестях: «Солдаты», «Вишневый омут», «Ивушка неплакучая», «Драчуны», «Наследники», «Хлеб — имя существительное», «Карюха», «Дивизионка», «Мой Сталинград» и другие.

Тема Сеятеля и Хранителя земли русской проходит через все творчество Н. Е. Палькина. Образ крестьянина, образ человека на земле, образ хлебороба, в сущности, поэтом разрабатывается во множестве его лирических, стихотворных произведений. Все стихотворения, поэмы, посвященные русскому полю, русскому хлебу и отражающие жизнь прошлого и настоящего села, фактически показывают читателю многогранный и замечательный образ Сеятеля, его высокие нравственные, духовные и физические достоинства. Назовем здесь лишь некоторые. Во-первых, этой теме практически весь — посвящен сборник стихов Н. Е. Палькина под названием «Теплый хлеб». Эта тема раскрывается в таких произведениях, как: «Сеятель», «Земля, она кругом родная», «Хлеб», «Хлеба шумят», «Звездный пахарь», «Поэма о хлебе», «Поэма о Волге» и многие другие. Поистине гимном Сеятелю земли русской является «Поэма о хлебе». Для сеятеля, когда поспевают хлеба, все остальное, сугубо личное в том числе, отходит на второй план. Вот и для Василия — одного из центральных персонажей «Поэмы о хлебе» даже такое важное со-

бытие для семейной жизни как рождение сына отходит как бы на второй план:

*Хлеб, хлеб, хлеб...
Хлеб под русским небом.
Руки, губы —
Все
Пахнет хлебом.*

*До сумерек Василий
Поле осилил.
И некогда спать —
К штурвалу опять.*

*А его Мария —
Глаза сырые —
Мечется,
Мается в родильном дому.
Косит Василий...
Ах, какого сына
Маша народила ему!*

*И смотрит в окошко,
Туда, где рожь.
Пустынная дорожка —
Что ж, Вася, не придешь?*

*Кусает Мария губы,
И свет ей не мил.
И кажется, что не любит.
И кажется, что забыл...*

Но вот в страдной поре просвет. Василий в семье:

*— Посмотри, глаза какие синие.
Все твое: глазенки, губы, лоб.
Шумно к сыну тянется Василий:
— Здравствуй, хлебороб!*

*Отступили вежливые няни,
Над птенцом склоняется отец.
Укрепляйся в радостном свиданье
Жаркое содружество сердец! ...*

Так уж повелось на Руси с давних времен, что в годы грозной опасности ее Сеятель становился и ее Хранителем. Во многих стихотворных произведениях Н. Е. Палькина с большой исторической глубиной и художественной силой показано, как Сеятель, не щадя живота своего становился главным Хранителем своей земли. Напомним лишь некоторые из таких произведений. Это, прежде всего, «Богатырская поэма», «Поле русских богатырей», «О поле русское», «1812 год», «Бородино», «Крылья памяти», «Мать», «Россия» и многие другие.

Всегда, когда Русь подвергалась иноземным нашествиям, на защиту родной земли прежде всего поднимался ее

Сеятель. Так было, как это показано в «Богатырской поэме» (и показано исторически верно), во время отражения русскими дружинами нашествия шведов и рыцарей немецкого ордена в 1240 и 1242 годах, когда русские воины под руководством Александра Невского сумели нанести захватчикам сокрушительный удар, так было в конце 14 века, когда судьба Руси решалась на поле Куликовом и русские войска под водительством Дмитрия Донского дали сокрушительный отпор орде, так было во времена Минина и Пожарского и в более поздние времена вплоть до событий Великой Отечественной войны. Везде и всегда Сеятель земли русской был в первых рядах ее защитников, ее хранителей.

Поэт заключает «Богатырскую поэму» словами:

*Ты хочешь знать по праву друга,
Откуда эта сила духа?
Она — от нашей доброты,
Она — от нашей правоты,
Она — от гордого сознанья,
Что рождены для созиданья,
Для дел великих рождены
Мы, сыновья своей страны.
Могуч и славен дух народа.
Чьей кровью куплена свобода.
Великий дух — в его судьбе.
Пусть он сопутствует тебе.*

Тема Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, несмотря на то, что минуло уже полстолетия со времени ее окончания, остается для писателей, поэтов, публицистов, историков одной из самых животрепещущих.

К этой теме постоянно обращается и Николай Егорович Палькин. Он обращается к ней и по долгу, как писатель, и как человек, юность которого пришлась на те суровые годы.

В мемуарных очерках Николай Егорович так вспоминает ту горькую пору: «...Я хорошо помню тот день, когда мы проводили на войну отца. Аллеи сада, находящегося по соседству с военкоматом, были запружены народом, прощальные песни мешались с женским плачем, и никто не обращал внимания на помятые цветы; люди сидели прямо на клумбах, не отпуская от себя своих кормильцев. Уже стемнело, когда была дана новобранцам команда строиться, и отец, обнимая меня, сказал, видимо, то, что сказали в этот день тысячи отцов своим маленьким сыновьям:
— Ты остаешься в доме за старшего, береги мать.

Если бы можно было видеть, как мальчишеское сердце становится сердцем мужчины, то это, вероятно, случилось именно в тот прощальный час, когда я почувствовал, что больше никогда не обниму отца. После его ухода сердце не окаменело, оно рванулось туда, где решалась судьба Отечества. Прежде всего этот порыв, неожиданно для меня самого, выразился в стихах. 26 октября 1942 года в городской газете «Большевик» появилось мое первое стихотворение «Переправа». Мне было тогда четырнадцать лет...».

С тех пор и до сегодняшнего дня в поэзии, прозе, публицистике Н. Е. Палькина тема войны, события Великой Отечественной присутствуют постоянно. «Для меня, подростка, 41-й год — это начало той жизни, которой жил весь наш народ, вставший на защиту Родины. Жизни, давшей всем нам беспримерные уроки мужества и гражданской зрелости. Война сразу, жестко и сурово вошла в литературу нашего поколения. Отсвет Великой Победы лежит на всех моих стихах, как, вероятно, и на произведениях моих сверстников».

Путь к победе был долгим и трудным. В одной из своих публицистических статей («Главное — быть человеком», «Литературная Россия», 29.03.1985 г.) Николай Егорович вспоминает, какие тяготы войны приходилось переносить не только бойцам на фронте, но и тем, кто оставался и работал в тылу, особенно — детям: «Кто их забудет, очереди суровых военных лет! Мы, ребяташки, с вечера записывались за хлебом и всю ночь до утра жались где-нибудь в подворотне, боясь, чтобы не пришел какой-нибудь ловкач (были и такие) и не переписал все заново. Номерки, чаще всего записанные химическим карандашом на наших ладошках, мы берегли пуще глаза: за ними стояла спасительная буханка хлеба, возможность избежать голодного дня и радость матери, которая видела в нас, подростках, своих надежных помощников. Потом, когда ввели карточки на хлеб, стало легче. Появилась гарантия, что свою пайку ты непременно выкупишь, и не надо было по полсуток выстаивать в очередях. В моей душе очереди военных лет остаются очередями терпения и мужества народа. Да, именно мужества, потому что вынести голод в тылу было порой не проще, чем избежать потери духа на войне».

Николай Егорович прав, когда говорит, что на многих его произведениях лежит отсвет сурового времени — Великой Отечественной. В книге «Город волжской судьбы»

один из ее разделов посвящен событиям того времени — «Огненная страница», это огненная страница в многовековой истории города. «Да, эта страница из огня и дыма, из горя и надежд, из великой силы борьбы и радости побед». В книге «О, Волга» глава «В дыму и пламени» также посвящена грозному времени — Великой Отечественной. Не стирается то время в памяти людей, и они идут и идут к Вечному огню на площадь Павших борцов. Идут на Мамаев курган. Идут к пантеону Славы и к новому круглому зданию, где открыта панорама Сталинградской битвы:

*Сменяются зимы и весны,
А люди идут и идут.
За ними Урал и березы,
За ними рязанская рожь,
За ними народные слезы,
Которых с души не сотрешь.
И каждый клянется заране:
За тех, кто не выжил,— дожить.
И Вечный огонь на кургане
Не в силах тех слез осушить.*

А вот из этой главы проникновенные слова Н. Е. Палькина о скорбной минуте молчания, он здесь на Мамаевом кургане вместе с другими: «Минута молчания! У каждого она своя, потому что рядом со всенародным горем или как бы растворенное в нем есть горе и твое, личное. Рядом со всенародной победой есть, пусть маленькая, твоя победа. Память выхватывает из прошлого горячую зиму 1942 года. Авиамастерские, где я, пятнадцатилетний подросток, тогда работал, входили в состав воздушной армии, защищавшей Сталинград, и мы день и ночь ремонтировали, или, точнее, возвращали к жизни, израненные в боях самолеты. Когда полной победой советских войск завершилась битва на Волге, некоторые ребята из нашего цеха получили медаль «За оборону Сталинграда». Минута молчания!»

Тема Великой Отечественной отражена во многих стихотворных произведениях Н. Е. Палькина. Среди них: «Золотая подкова», «О поле русское!», «Характер», «Крылья памяти» и другие.

Страницы Великой Отечественной встают перед читателем в «Богатырской поэме» Н. Е. Палькина. Особенно, на мой взгляд, эмоционально воздействующей является та часть, где словно рефрен повторяется фраза Клочковым, Панфиловым и бойцом, похожим на отца автора поэмы,— «Еще посмотрим, кто — кого!»:

...А вон вдали за поворотом,

*Как будто сросся с пулеметом
В смешенье дыма и огня
Солдат, похожий на меня.
«Отец! — кричу ему всем сердцем,—
Поберегись, не дайся немцам».
И только слышу от него:
«Еще посмотрим, кто — кого!»*

Одно, пожалуй, из самых пронзительных произведений Н. Е. Палькина о боли, оставленной войной с немецко-фашистскими захватчиками, это стихотворение «Мать». Минуло полстолетия со времени окончания войны, а из оставшихся еще в живых тех матерей, которые тогда потеряли своих сыновей, дочерей, да и тех, которые их теряют теперь, не сможет без горьких слез, спокойно прочитать стихотворение Николая Егоровича. Вот его жгучие строки:

*По Мамаеву кургану
Днем и ночью ходит мать.
«Вы скажите, добры люди,
Где мне сына отыскать?»*

*Ей в ответ вздыхает Волга:
«Крепко спит в земле герой.
Не буди его напрасно
И ступай себе домой».*

*Повернулась, распрямилась,
Непреклонна и горда:
«Не гони меня отсюда,
Не уйду я никуда».*

*Стану камнем на кургане,
Подыму священный меч,
И останусь возле сына,
Чтоб покой его беречь».*

*И стоит она над Волгой,
И ликуя и скорбя.
И все матери погибших
Видят в ней самих себя.*

Тема Родины, тема Сеятеля и Хранителя земли русской неразрывно связана в творчестве Н. Е. Палькина с русским мирным, хлеборобным полем. Мирному, трудовому полю поэт посвятил наибольшее количество прекрасных лирических произведений.

*Меня никто не спрашивал ни разу,
За что люблю я Родину свою,
Ее поля, что не окинешь взглядом,
Зеленых роц веселую семью...*

Так писал поэт еще в 1953 году. С тех пор образ поля не уходит от его художественного внимания. Один из первых крупных циклов стихов его так и назывался: «Поле

золотое». В него вошли такие стихотворения, как «Утро», «Когда б хоть раз хозяйским взглядом», «Ровно в полдень, ревом зычным», «Молодой комбайнер», «Зари багряная полоска», «Вечер», «Сегодня ровно в пять утра», «Я на реке рассвет встречаю», «Август», «Соловей», «Старый дуб», «Ветер», «Лето», «Яснополье», «Отшумели хлеба» и ряд других.

*Отшумели хлеба, отошла молотья,
И умолкло далекое эхо...*

В небольшом стихотворении образ поля сливается с названием села — «Яснополье», то есть для поэта поле не только объект эстетического наблюдения, но это и то место, то пространство, где люди живут, работают:

*Перед зарею ветер дунул
И разорвал ночную мглу..
Не знаю даже, кто придумал
Названье этому селу.*

*Степей безбрежное раздолье,
Густых лугов пчелиный звон..
Он был, наверно, в Яснополье,
Как в землю труженик, влюблен.*

*Какой бы он ни жил судьбою,
И как бы жизнь его ни шла,
Он видел поле золотое
И этот ясный день села.*

Один из любимых эпитетов поэта, рисующих поле, — слово «золотой»: отсюда название цикла «Поле золотое», «переполнены все амбары чистым золотом полевым» или в стихотворении-песне:

*Полюбил меня другой,
Обходительный такой,
Золотое наше поле
Обходил он стороной...*

С эпитетом «золотой» мы встречаемся в замечательном стихотворении «Утро»:

*...Даль еще туманами повита,
Спит речушка в зелени раки,
А заря, как сквозь большое сито,
Переулки золотом кропит...*

Характерно в этом отношении стихотворение «Когда б хоть раз хозяйским взглядом». Красоту поля, земли можно увидеть только через труд на ней.

*Когда б хоть раз хозяйским взглядом
Ты это поле осмотрел,
Где ходит трактор с песней рядом.*

Где нам всегда хватает дел.

*Когда б внимательно послушал,
Как дышат травы там и тут,
И радуя здоровьем душу,
Хлеба высокие встают;*

*Когда б ты знал, как оживает
Весной под плугом целина,
С какою радостью встречает
Наш хлеб родная сторона,—*

*Пускай других ты беззаботней,
Ты б все-таки понять сумел,
Что нет заветней, нет почетней
И нет насущней наших дел.*

Стихотворение это одно из ранних, оно написано в 1953 году. Тем не менее оно образно и выразительно. Поэт удачно нашел две-три метафоры, которые создают живую картину поля. «Ходит трактор с песней рядом», «дышат травы там и тут», «хлеба высокие встают», «под плугом», «оживает целина весной» и другие.

Одно из замечательных стихотворений о русском поле, о людях, отдавших ему все силы, всю жизнь — это стихотворение «Пролетели годы»:

*Пролетели годы,
Время отдыхать.
И пошла на поле
Попрощаться мать.*

*«Сколько я скосила,
Сколько убрала..
На широком поле
Жизнь моя прошла.*

*Поле золотое,
Добрый урожай,
Ты поверь, с тобою
Расставаться жаль».*

*Ей в ответ колосья
Начали шептать:
«Ты не беспокойся,
Не тревожься, мать.*

*Не пропала даром
Молодость твоя.
В поле на рассвете
Выйдут сыновья.*

*Выйдут и достойно
Твой продолжат путь.
Ты же, мать, спокойно
Можешь отдохнуть.*

*Ты сынов возрастила
Для большой страды,*

*И тебе спасибо
За твои труды.*

Исполнинский образ русского хлебного поля представит перед читателем в замечательном стихотворении Н. Е. Палькина «Скажи, в этом крае ты был или не был?». Лирического героя волнует в родном крае все: реки, озера, леса, чистое небо и т. д. Но поистине с эпическим размахом сказано в стихотворении о русском хлебном поле:

*В поля загляни,
Где от края до края
Высокие волны
Бегут убегая.
Подумай над ними.
И сердцем поймешь:
В надежных руках
И пшеница, и рожь...*

Поэт и его лирический герой отчетливо сознают, что хлебное море явилось не само собой, оно есть результат нелегкого, круглогодичного труда земледельца. В стихотворении «Глубок и чуток летний сон...», изображая краткий отдых земледельца, так передает его непроходящую тревогу за судьбу урожая:

*Глубок и чуток летний сон,
И краток отдых земледельца.
И то, чем днем был удручен,
Всю ночь он держит возле сердца.
В плену домашней темноты
Ворочается то и дело.
И это не от духоты,
А оттого, что рожь поспела.
Июльской ночи тихий зов
Рождает смутную тревогу,
Что выйдем рожь из берегов
И захлестнет вот-вот дорогу.*

Русское поле в поэзии Н. Е. Палькина — это само создание ума и рук человеческих, результат труда тысяч и миллионов людей. Русское хлебное поле щедро дает свою красоту людям, делает их лучше, чище, нравственнее, красивее. Вот одно из стихотворений, которое может послужить тому подтверждением:

*Ты домой вернулась с поля.
И пахнуло как-то вдруг
Золотым степным раздольем
От твоих проворных рук.
Свежим ливнем, мягким зноем,
Медом вызревших гречих.*

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
От отчего порога — в дальнюю дорогу	7
Мне дорога земля моя, Россия	13
Зазвенели песни над Россией	25
Хлеб — всему голова	42
«Как нынче мало пишут о любви»	50
Певец родной природы	56
«...О! Волга!.. Колыбель моя!»	65
«...Да ведают потомки православных...»	75
Обращаясь к великим предтечам и собратьям по перу — современникам	80
«Поэзия — та же добыча радия...»	88
Слово публициста и летописца земли саратовской	92
В оценке литературной критики	96
Дар живописания словом	103
Говорят о многом письма друзей	123
...Не мыслю жизни в тиши кабинетной	128
Эпилог	138
Перечень основных публикаций поэта	152
Литература о жизни и творчестве Н. Е. Палькина	153

Научно-популярное издание

Юрий Сергеевич ВОРОНОВ

МЕЛОДИИ СУДЬБЫ

**Очерки жизни и творчества
Николая Палькина**

**Редакторы Л. Н. Сабурова, Н. Н. Трушкина
Художник С. Г. Атясов
Технический редактор Л. Г. Феклистова**

Сдано в набор 27.08.97. Подписано в печать 27.11.97. Формат 84 × 108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Печ. л. 5,0. Тираж 1000. Заказ 601.

РИГП «Абрис». 410042, г. Саратов, ул. М. Горького, 35.

**Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Государственного
комитета Российской Федерации по печати. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.**

21-36

